«Оружие с такой силой напало на людей, что им пришлось прикрыться щитами»

Олег Губарев

Рецензия на статью А.А. Романчука "Клятвы русов "оружьем и обручьем": славянский и германский контекст", Stratum Plus, №5, 2019. С.143-154

«Да не ущитятся щиты своими,

и да посъчени будуть мечи своими,

от стрѣлъ и от иного оружья своего»

Повесть временных лет

В журналах «Revista archeologica. Serie noua», vol. XIV, nr. 1, 2018. P.93-107 и «Stratum Plus», №5, 2019. P.143-154 были опубликованы статьи А.А.Романчука «Происхождение клятв русов оружьем и обручьем: славянские, германские и кельтские параллели» и «Клятвы русов «оружьем и обручьем: славянский и германский контекст», причем вторая статья носит более развернутый и детальный характер. Первую статью я разобрал в рецензии опубликованной в электронном журнале Novogardia, №2 за 2019 г. Пришло время дать более развернутый ответ на вторую статью, чтобы раз и навсегда «поставить точки над и» в вопросе *о чисто скандинавском характере* клятв русов в договорах с греками.

Логика при определении конкретного понятия требует установить то общее, что объединяет это явление с другими подобными ему, и то, что отличает это явление от других подобных ему и делает его уникальным. А.А.Романчук прав в том, что клятвы на оружии встречаются у самых разных народов, существовавших в самое различное время. Использование оружия в качестве атрибутов обряда — это то общее, что их объединяет. А отличие, делающее клятву русов *уникальной* по сравнению с клятвами на оружии и с использованием оружия в обрядах других народов, заключается в угрозе *волшебного побиения нарушителей клятвы собственным ожившим оружием*. Этого нет ни у одного другого народа кроме скандинавов.

Существенные детали клятвы русов

Для того чтобы определить насколько приводимые А.А.Романчуком примеры близки к клятвам русов при заключении мирных договоров с греками, уточним, к чему сводятся клятвы русов. Речь конечно идет в данном случае только о клятвах язычников-русов.

1) Русы кладут на землю перед идолом Перуна свои обнаженные мечи и щиты, обручья и иное оружие, а также золото.

2) Нарушитель клятвы будет проклят Перуном и умрет от своего оружия («будеть достоинъ своимъ оружьемъ умрети»).

3) Клятва приносится на все время «на вся лѣта, донде же съяеть солнце и весь миръ стоить».

4) Помимо оружия клятва по скандинавскому обычаю приносится на обручьях (то есть «священных кольцах») (Кулешов 2017; Мельникова 2014; Губанов 2018).

На что исследователю следует обратить особое внимание при поиске параллелей клятве русов? Вопрос о клятвах русов в договорах с греками относится к X веку (временные рамки заключения договоров имеют важное значение).

Клятва русов и клятва балтийских славян-руян (ран) при заключении мирных договоров

Кроме того, поскольку неоантинорманисты, к числу коих принадлежит и А.А. Романчук, считают русов балтийскими славянами ранами (руянами), а варягов — балтийскими славянами-ваграми, то нас будет особо интересовать сходство клятв *русов* и *балтийских славян-ран* при заключении мирных договоров, а не сходство любых клятв с использованием или упоминанием оружия любых славянских народов. К счастью такая информация у нас имеется. Клятвы русов описаны в ПВЛ, а клятва балтийских славян-ран при заключении мира с данами описана Саксоном Грамматиком (Губарев 2013: 242).

Какую же задачу ставит А.А.Романчук в своей статье? Как указано в аннотации ставится задача доказать, что «клятва русов оружием и обручьем» возникла в результате их длительных контактов со славянами.

Таким образом, хотя Романчук нигде специально это не оговаривает, речь пойдет не о клятвах на оружии и обрядах с упоминанием и использованием в той или иной степени оружия у *любых славянских народов*, а только у *восточных славян*. Поскольку у русов Рюрика были контакты только со славянскими племенами лесной и позже лесостепной полосы — словенами, древлянами, радимичами, северянами, полянами. По версии А.А. Романчука именно у них заимствовали русы элементы своей клятвы на оружии. Поэтому далее в примерах, приводимых А.А.Романчуком я специально выделяю курсивом наименования народов, которым принадлежат рассматриваемые клятвы.

Прежде чем перейти к детальному разбору аргументации Романчука сделаем несколько общих замечаний. И прежде всего,

для клятвы на оружии нужно иметь оружие (о вооружении восточных славян до Рюрика)

Археологические находки оружия на погребениях и поселениях пражско-корчакской и лука-райковецкой культур, однозначно связываемых со славянами, чрезвычайно бедны (Поляков 2003, 2006; Казанский 2015: 45-48). В основном это находки наконечников дротиков и копий, что соответствует византийским описаниям вооружения славян до их знакомства (имеются в виду *южные славяне*) с византийской армией, ее вооружением и тактикой.

Восточные славяне лесной полосы никаких контактов с Византией не имели и трофейным оружием не обладали. Поэтому у них отсутствовало наступательное и защитное вооружение — мечи, кольчуги, скрамасаксы, боевые топоры и секиры. Щиты были деревянные, тяжелые и неудобоносимые. Славяне избегали рукопашного боя на открытом пространстве, использовали налеты из засад в лесах и болотах и отравленные стрелы.

Западные славяне (чехи, моравы, сербы и хорваты), воевавшие с империей франков, приобретали военный опыт, были знакомы с тактикой франков и пользовались трофейным вооружением, хотя и в этом случае находки такого вооружения нечасты.

Если в отношении *южных славян* приобретших военный опыт и трофейное вооружение в постоянных войнах с Византией, и произошли значительные изменения, как отмечал Иоанн Эфеский, то *восточных славян* эти изменения не коснулись. Как же могли *восточные славяне* приносить клятвы на том, чего у них не было?

Наступательное и защитное вооружение было у *балтийских славян*, постоянно воевавших с данами и франками, но *балтийские славяне* вопреки утверждениям неоантинорманистов контактов с русами не имели. Во всяком случае, такие воинские и дружинные контакты не зафиксированы ни в источниках, ни археологией.

Итак, для того, чтобы доказать свое утверждение о славянском характере клятвы русов на оружии, А.А.Романчук должен был бы доказать это на примерах для *восточных славян*. Причем на примерах, относящихся примерно к VIII-XI вв. Посмотрим, удалось ли ему это.

Примеры клятв на оружии славян в статье Романчука

Теперь рассмотрим детально к чему сводится аргументация А.А.Романчука в данном вопросе.

1). Романчук цитирует словарную статью «Клятва» в энциклопедии «Славянские древности». В ней упоминается:

а) Клятва болгар с положенным перед собой мечом как указывается в послании папы Николая I болгарскому царю Борису (IX в.). Здесь обращает на себя внимание указанная видимо не случайно датировка — упоминание клятвы болгар близко по времени соответствующим клятвам русов в договорах с греками.

б) В народной традиции бытовала клятва над заряженным ружьем (укр., серб.)

в) У болгар клятва утверждалась целованием топора.

Отметим, что клятва над ружьем носит поздний характер и никакого отношения к клятвам русов не имеет. Наиболее близкой к клятвам русов оказывается клятва перед положенным мечом. При этом о складывании *болгарами* на землю какого либо другого оружия не упоминается. Далее Романчук более развернуто говорит славянских клятвах и ссылается на пример клятвы *русского крестьянина* оружием, на *казацкие украинские* и *болгарские* проклятия с упоминанием «ясных мечей»и «первой сабли». *Сербские* песни о Марко Кралевиче, как указывает Романчук, «дают нам яркие примеры сбывающихся проклятий о смерти злодея от собственного оружия». Целование *болгарами* топора никак с клятвой складывания оружия на землю не связано.

Уже на данных примерах видны натяжки, характерные и для всей последующей аргументации Романчука. Приводятся примеры клятв совершенно разных по характеру (от заклятий до проклятий), но не имеющих отношения к заключению договоров и их нарушению. При анализе клятв разных народов необходимо учитывать, что клятва клятве рознь, что Романчук совершенно игнорирует. Приводимые им примеры относятся к совершенно различным периодам времени. Ясно, что заклятия украинских казаков времен Хмельницкого, а также единственный пример клятвы русского крестьянина времен Российской империи и песни сербов о Марке Кралевиче (сложены после XIV в.) никакого отношения к клятвам русов X в. иметь не могут.

Недостаток аргументации (путаница со временем и пространством)

Таким образом уже здесь выявлен основной недостаток всей последующей аргументации А.А.Романчука: *объединение воедино разновременных и разнесенных в пространстве событий*, объединяемых единственно по упоминанию или по использованию в обрядах *любого* оружия.

Видимо сам А.А.Романчук прекрасно осознает недостатки своей аргументации, ибо пытается обосновать родственный характер любых клятв, проклятий и заклятий из приводимых им примеров. Он подчеркивает, что проклятия и заклятия являются инвариантом клятв. Но это вовсе не сближает, как бы ему этого ни хотелось, проклятия и заклятия любого характера, «обращенные на субъекта, на говорящего» с клятвами при заключении мирных договоров.

Романчук ссылается на П.С.Стефановича, который «на некоторые славянские параллели клятв русов обращал внимание», со ссылкой на конкретные страницы. На этих страницах Стефанович говорит об аналогах клятв оружием «у *сибирских остяков*, *авар*, *древних болгар и чехов*«. Клятва болгар — это все та же уже упоминавшаяся Романчуком клятва из письма папы Николая I. Далее у Стефановича следует ссылка на статью Фетисова, обнаружившего параллели клятве русов в *нартско-осетинском* и *чечено-ингушском эпосе*.

Какое отношение к восточным славянам имеют сибирские остяки, авары, нарты и ингуши, древние болгары и чехи, остается только догадываться. При этом П.С. Стефанович отмечает что наиболее близка к клятве русов клятва болгар, ибо они клали на землю мечи. О том, клали ли болгары на землю иное оружие, у нас данных нет. В клятве же русов особое значение имеют положенные на землю щиты, дабы когда при нарушении клятвы оружие оживет и нападет на своих владельцев, они не могли «ущититься» и спастись. Но смерть клятвопреступника от своего меча или копья при обмене оружием в бою или при падении на свой меч, отмеченные в скандинавском эпосе Фетисовым, присутствия в тексте клятвы выражения «да не ущитятся» не объясняет.

Как заявляет Романчук, «приведенной информации достаточно, чтобы сделать определенные выводы. Именно: как мы видим, клятва оружием представлена у большинства (по крайней мере — если не всех) славянских народов» (С.145).

Клятва камнями у славян в качестве «клятвы на оружии»

Не привел А.А. Романчук примеры такой клятвы, близкой по времени к изучаемому периоду, только у одного народа — у *восточных славян*. Приведенные им для *восточных славян* примеры либо носят поздний характер, как клятва крестьянина российской империи, либо это *клятва камнями*. Далее Романчук защищает утверждение, что камень тоже можно считать оружием. Пусть читатель сам судит насколько клятва складыванием на землю мечей, щитов и обручьев близка к «клятве камнями» у славян. Поскольку именно у *восточных славян* отмечена, как и у *балтийских славян*, клятва с бросанием камня в воду (Губарев 2013: 242).

И тут, на мой взгляд, Романчук допускает некорректное высказывание. Он пишет: » вслед за Стефановичем (и рядом его предшественников в этом отношении) и развивая данную мысль, обратим особое внимание: в цитированных клятвах различных славянских народов *оружие тоже ложилось на землю* — как и в засвидетельствованных в ПВЛ клятвах русов» (

с.145). Обратим внимание на это **важнейшее** заявление. Почему оно так важно, мы увидим по ходу дальнейшего разбора статьи Романчука. Нас пытаются уверить, что *примеров клятв со складыванием оружия на землю у славян было много*. Но до сих пор мы видели только один пример такой клятвы болгар, которые, согласно письму папы Николая I, клали на землю меч. *И только*. Какие другие примеры подобных клятв имеет в виду Романчук, он не поясняет. На указанных Романчуком страницах П.С.Стефанович ни в основном тексте, ни в примечаниях других примеров таких клятв не приводит.

Павлов-Сильванский, на которого ссылается Романчук, никаких других примеров клятвы оружием у *восточных славян* кроме упомянутой выше клятвы русского крестьянина (когда он предложил присягнуть либо на Евангелии, либо на оружии) не приводит. Также Павлов-Сильванский упоминает целование топора у болгар и далее умозрительно заявляет, что «клятва оружием существовала не только у русских, но и у других славян» (Павлов-Сильванский 1905: 358).

Романчук без конкретных указаний источников утверждает: «*чешский и словацкий материал* свидетельствует даже о том, что положение оружия на землю имело центральный (или один из центральных) смысл в этом славянском обряде принесения клятвы — что видимо и выразилось в формировании у чехов и словаков формулы «бросить секиру» [на землю] в значении клясться» (С.145). Делая это важнейшее на мой взгляд заявление, Романчук ссылками на источники его, к сожалению, не подкрепил. При этом нет указаний на то, к какому времени относится данный материал, а также куда бросалась секира, так как вставка, что она бросалась на землю, сделана самим Романчуком. Поэтому нам приходится принимать данное заявление на веру. Отметим только, что бросание (?) *чехами* и *словаками* одного элемента вооружения (секиры) и складывание всего вооружения на землю — вещи разные.

Клятвы Перуном и Волосом у скандинавов-русов

Естественно Романчук, как любой антинорманист, не может пройти мимо клятвы славянскими божествами Перуном и Волосом. О религиозной индифферентности скандинавов сказано было достаточно для того, чтобы всерьез воспринимать это как указание именно на славянский характер клятвы (Melnikova 2011). Тем более, что функции славянского Перуна в точности соответствовали функциям скандинавского Тора. А скандинавы, прибывая в чужие земли, даже снимали со штевней драконьи головы, чтобы не разгневать местных богов. » Скандинавы стремились заручиться поддержкой чужих богов настолько, насколько это позволяла этика викингов» (Петрухин 2010: 281).

«Оживающие оружие» кельтов не является аналогом волшебного побиения ожившим оружием нарушителей клятвы русов

На этом вопрос со славянскими клятвами на оружии Романчук считает исчерпанным и переходит сначала к кельтским клятвам, а затем к германским. В своей статье он нигде не упоминает о той уникальности скандинавских клятв с волшебным побиением нарушителей клятвы при заключении мирных договоров собственным оружием о которой говорю я (Губарев 2013). Тем не менее спорит он именно с этим моим тезисом, иначе непонятно, зачем приводить кельтские параллели с «ожившим оружием».

Романчук приводит примеры кельтских клятв на оружии. При этом он игнорирует, что, во-первых, по времени это V в. до принятия Ирландией христианства, а во-вторых, что клятвы кельтов не принадлежат к клятвам при заключении мирных договоров. Клятва кельтов вернуть украденное и клятва русов сохранить нерушимым мир — совершенно разные по характеру. Романчук цитирует Борча, что «представляется логичным интерпретировать хвастающихся воинов с мечами на бедрах как приносящих клятву на оружии». И тут же приводится пример клятвы вернуть украденное из саги «Похищение коров Фроэха». Как я уже говорил одни клятвы на оружии совершенно отличаются от других, и единственным, что их объединяет является то, что в них используется тем или иным образом оружие.

При хвастовстве воинов-кельтов, отмечает Борч, «их мечи оборачивались против них, если возвещали они о ложных победах». Но какое имеют отношение ложные победы в бою к нарушению клятв при заключении мирных договоров? Далее, видимо с учетом того, что я говорю в своей статье о чисто скандинавском характере кары волшебным побиением воинов ожившим оружием, А.А.Романчук приводит в качестве примера «живого оружия» оживающее копье из ирландской саги. Но пример этот неудачен, так как оживание копья в бою никак не связано с карой за нарушение договора, а V в. , отстоит от X в. на пять столетий.

Мнимое «различие» клятв русов и клятв германцев согласно А.А.Романчуку

Далее А.А.Романчук переходит к рассмотрению германских клятв на оружии. Он опять цитирует ту же переизданную в 1988

г. статью Павлова-Сильванского от 1905 г., где автор говорит о том, что германцы клялись положа руку на меч или на рукоять меча, воткнутого в землю. Из различия данных германских клятв с клятвами русов со складыванием оружия на землю, Романчук делает весьма далеко идущие выводы. К сожалению, здесь ничего не говорится о времени, к которому относятся такие клятвы германцев. Скорее всего, это период поздней Римской империи и Великого переселения народов, т.е. III — V вв. Какое отношение эти клятвы имеют к клятвам русов X в., остается только гадать.

Здесь Романчук заявляет, что «наличие такой разницы между клятвами оружием у русов (и *славян*)с одной стороны и *германцев* (включая *скандинавов*) — с другой уже должно побудить нас к тому, чтобы искать иные истоки клятв русов, нежели скандинавские» (с.147).

Неявные допущения в аргументации

Заметим, что неявно Романчук делает сразу несколько допущений. Он ставит знак равенства между германцами V в. и скандинавами X в. При этом он подменяет рассмотрение скандинавских клятв, в точности соответствующих клятве русов с побиением нарушителей клятвы оживившим оружием (Riisoy 2016: 147; Stein-Wilkeshuis 2002: 164-167), рассмотрением клятв германцев именно потому, что клятвы германцев отличаются от клятв русов. Иначе ему пришлось бы признать скандинавский характер клятвы русов.

Особо отметим не только сходство формулы клятвы («да не защитятся они собственными щитами») с описанием нападения оружия на воинов в «Саге о Ньяле»(«им пришлось прикрыться щитами»), но и причины, вызывающей это наказание — клятвопреступление, которым в глазах людей в средние века равно являлось нарушение договора и отступничество от крещения и христианской веры, от договора, заключенного с Богом.

Клятвы скандинавов «бортом ладьи» и «конской спиной» с учетом археологии погребений русов-скандинавов

Отметив, что в «Песни о Вёлунде» при перечислении атрибутов скандинавской клятвы меч упомянут после «борта ладьи» и «конской спины», как будто это имеет какое-то особое значение, Романчук переходит к клятвам на обручьях («священных кольцах»). Я же хочу только заметить, что именно на северо-западе в Старой Ладоге, куда был призван согласно ПВЛ Рюрик с его русами, мы видим камерное захоронение с бортом ладьи и конями и оружием (ножом и стрелами и, возможно, не сохранившимся мечом, но с бляшками от перевязи для меча) (Михайлов1997, 2016; Губарев 2019). Что вполне соответствует упомянутым А.А. Романчуком атрибутам скандинавской клятвы.

Приравнивание обручального кольца к обручью

При рассмотрении клятвы русов на обручьях, что соответствует клятве скандинавов «на священных кольцах», Романчук начинает с семантических упражнений. Он пытается приравнять понятия «обручье» и «кольцо, перстень», связав их через обряд обручения. Ему это нужно чтобы поставить знак равенства между кольцом на палец и обручьем на руку, на локоть. Не имея возможности найти у славян клятвы на «священных кольцах» Романчук подменяет ее клятвой при обручении и обмене обручальными кольцами, благо их тоже с натяжкой можно признать «священными».

Таким образом, расширительно толкуя из праславянского языка «обручье» как кольцо, браслет, гривну, Романчук ставит знак равенства между кольцами, браслетами и гривнами, использовавшимися славянскими женщинами в качестве украшений и со складывавшимися на землю обручьями, входившими в комплект вооружения («обручѣ своѣ и прочаа оружья«**).** Что едва ли правомерно. При этом скандинавскую клятву на священных кольцах Романчук стремится свести к клятве на алтарных кольцах, игнорируя аспект клятв на священном кольце, носимом на руке годи.

Видимо Гутрум, принесший клятву на «священном кольце» Альфреду Великому, таскал с собой алтарь, как другие викинги, частенько приносившие клятвы на «священных кольцах». Романчук сам цитирует статью Мельниковой в которой говорится о том, что годи должен иметь кольцо на руке при каждом собрании людей. Но его в данном случае больше устраивает клятва на *алтарных кольцах* , именно потому, что она отличается от скандинавских клятв на обручье на руке годи и от клятв русов на таких же обручьях.

И таким образом при определенных натяжках, сводя скандинавскую клятву к клятве на алтарных кольцах, Романчук уверенно говорит об ее отличии от клятв русов на обручьях, носимых на руке.

Спорная гипотеза об особом «славяно-русском диалекте»

Ну а далее в ход идут имена русов из весьма спорного гипотетического «славяно-русского» диалекта, реконструируемого С.Л. Николаевым и неоднократно подвергавшегося серьезной критике. Гипотеза С.Л. Николаева о германском характере имен русов нужна А.А. Романчуку, чтобы привязать эти имена к континентально-германскому языку, а там и до вожделенного южного побережья Балтики, мечте всех неоантинорманистов, последователей А.Г. Кузьмина с его множеством «русий» и с его ободритами-ваграми- варягами рукой подать! И вот уже нам предлагают в виде исходного региона миграции руси юго-запад Балтики, несмотря на то, что ни в источниках нет на это никаких указаний, ни археологией такие массовые миграции не подтверждаются.

Имена легендарных братьев Рюрика в качестве основы для сомнений в скандинавском характере имен послов русов

Романчука «смущает то, что ряду (Sic!) ключевых имен (как Трувор и Синеус) этой группы руси мы скандинавских аналогий так пока и не обнаруживаем». Их обнаруживает Е.А.Мельникова, на которую Романчук когда ему выгодно не упускает случая сослаться, но здесь предлагаемые ей варианты обойдены молчанием (Мельникова 2000). Романчука могли бы не смущать имена послов руси из договоров руси с греками, *имеющих в огромном большинстве четко выраженный скандинавский характер*. Что давным-давно установлено в большинстве работ историков и лингвистов, причем имен, укладывающихся в систему скандинавских имен. Но тогда едва ли удалось бы связать имена русов с Юго-Западом Балтики.

В примечаниях А.А.Романчук продолжает упоминать работы С.Л.Санкиной об якобы антропологическом типе балтийских славян, сходном с населением новгородско-псковских земель, даже после приведенной в последней статье С.Л.Санкиной суровой отповеди (Санкина 2017).

Что проигнорировал в своей статье А.А. Романчук

Заключительная часть статьи А.А.Романчука содержит уже совершенно бездоказательные предположения, что именно на юго-западе Балтики «могла сложиться характерная для русов Хв. традиция клятвоприношения» (с.151). Романчук при этом совершенно игнорирует приведенные мной в статье различия клятвы русов на оружии и клятвы балтийских славян-ран бросанием камня в воду, описанной у Саксона Грамматика» (Губарев 2013), хотя это — «такая же утвердительная клятва, соединенная с внешним символическим действием, какую находим во вступительных и заключительных формулах “Договоров” русских с греками» (Котляревский 1874: 161—162).

Скандинавский характер клятв русов доказывается также устойчивым повторением формулы, что мирный договор заключается на время, пока «солнце светит и весь мир стоит». Аналоги данной формулы употребленной также и в молитве митрополита Иллариона встречаются как в скандинавских (сборник «Серый гусь»), так и во фризских юридических документах (Jackson 2016; Губарев 2017; Молдован 2018).

Окончательный вывод Романчука о наличии «отчетливых славянских параллелей клятве русов, при ее существенных отличиях от скандинавской и вообще германской традиции — позволяет думать, что клятва русов сложилась как раз в результате длительного взаимодействия со славянами ..» (с.152), повисает в воздухе, поскольку речь здесь у него идет не о славянах вообще, а о *восточных славянах*.

Наличие у *восточных славян* клятв на оружии, кроме единственного позднего примера, заимствованного у Павлова-Сильванского (1905 г.) и относящегося ко времени Российской империи, он так и не смог доказать на протяжении всей своей достаточно объемной статьи.

Литература

Губанов И.Б. Формула клятвы на священном кольцеи священный пир как базовые элементы сакральной и правовой культуры в древней Скандинавии // Научный вестник Крыма, № 4 (15), 2018. С.1-16.

Губарев О. Л. О клятвах русов и славян // Stratum plus. 5. 2013. С. 239–245.

Губарев О.Л. «Дондеже солнце сьяеть и весь миръ стоить» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // Valla. Т. 3. № 3. 2017. С. 16–22.

Губарев О.Л. Сопковидная плакунская насыпь: попытка исторической интерпретации // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии. XXI чтения памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. Старая Ладога, 17–18 декабря 2016 года, 2019. (в печати).

Губарев О.Л. Еще раз о клятвах русов и славян. Рец. на статью А.А.Романчука Происхождение клятв русов «оружьем и обручьем»: славянские, германские и кельтские параллели в журнале Revista Arheologică, serie nouă, vol. XIV, nr. 1, 2018, 93-107. // Novogardia, №2, 2019. С.309-311.

Казанский М. Вооружение и конское снаряжение славян // Stratum Plus. № 5, 2015. С. 43–95.

Котляревский А. А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Прага: Типография К. Л. Клауди, 1874.

Кулешов В.С. Золотые браслеты русов IX–XI вв.: тексты, вещи и функции // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб, 2017. С.253-258.

Мельникова Е. А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: «Восточная литература». 2000. С. 143–159.

Мельникова Е. А. «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // Средние века. 75 (3–4). 2014. С. 176–192.

Михайлов К.А. Погребение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволховья. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН. С. 105–116.

Михайлов К.А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Издательский дом «Бранко», 2016..

Молдован А.М. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // Словѣне. Международный славистический журнал. Московский педагогический государственный университет. М.: Т. 7. № 1. 2018. С. 8–26.

Павлов-Сильванский Н. П. Символизм в древнем русском праве // ЖМНП, CCCLIX. 1905. С.339-365.

Петрухин В.Я. Мифы древней Скандинавии. М.: «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2010.

Поляков А.С. Военное дело у славян в VI–IX вв. по данным письменных источников и археологии (Вооружение. Тактика. Военная организация) // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции / СПбГУ Культуры и искусства. Науч. ред. А В. Гоголевский. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. С.7–11.

Поляков А.С. Военное дело у славян в VI–VII веках (историография, источники, методика исследования): автореф. кандидатской диссертации. / Поляков Александр Сергеевич; СПб: С.-Петерб. гос. ун-т, 2005.

Романчук А.А. Клятвы русов «оружьем и обручьем»: славянский и германский контекст», Stratum Plus, №5, 2019. С.143-154.

Романчук А.А. Происхождение клятв русов «оружьем и обручьем»: славянские и германские и кельтские параллели // Revista Archeologica, serie noua, vol.XIV, nr.1,2018. P.93-107.

Санкина С.Л. О западнославянской версии происхождения словен новгородских, скандинавской проблеме и древнеевропейском субстрате (данные антропологии) // ExUngueLeonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. Спб., 2017. С.256-274.

Jackson E. Old Icelandic Truce Formulas (Tryggðamál). London: Viking Society for Northern Research; University College London. 2016.

Melnikova E.A. How Christian Were Viking Christians? // Ruthenica, Suppl. 4. 2011. Pp. 90–107.

Riisoy A.I. Performing Oaths in Eddic Poetry: Viking Age Fact or Medieval Fiction? // Journal of the North Atlantic. Spec. Vol. 8.

2016. P. 141–156.

Stein-Wilkeshuis M. Scandinavians swearing oaths in tenth-century Russia: Pagans and Christians // Journal of Medieval History. Vol. 28. No. 2. 2002. P. 155–168